

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ В КУРСЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ КРИТИКИ

Курс «Истории русской критики» до сих пор остается одним из наиболее сложных в системе литературоведческих дисциплин. Камнем преткновения для студентов является конкретный анализ критической статьи с учетом методологических принципов критика. Обычно этот анализ они подменяют пересказом самой статьи или общеизвестных принципов критика, изложенных в учебных пособиях.

В предлагаемой работе излагается путь анализа одной статьи Н. Полевого — «Державин», в которой максимально полно проявился метод критика.

Историческая критика Н. Полевого - критика, рассматривающая любое литературное явление, любую творческую личность в контексте исторического развития, в контексте времени. Открытие идеи времени еще в XVIII веке привело к осмыслению литературного развития - как процесса и, следовательно, к необходимости изучать художественное произведение в этом процессе.

Взяв за основу своего метода метод французского ученого Легуве (на что сам критик указывает уже в начале своей статьи), Н. Полевой осмысляет его как «вживаемость» в объект,

«вчувствование» в него. Метод, обозначенный критиком, можно возвести к древнему архетипу - мифу о Пигмалионе: оживление неживого — так следует понимать принципы исследования культуры недавнего прошлого. Миф о Пигмалионе составляет подтекст многих оригинальных произведений русских лириков (В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, раннего Пушкина).

Постижение выбранного критиком художника, создание концепции его жизни и творчества, разгадка тайны его бытия для Н. Полевого есть творческий акт, подобный сотворению

мира или сотворению художественного организма (так понимали романтики художественное произведение). Так, исследование поэзии Державина превращается у Полевого в сотворение Державина, сотворение, в процессе которого происходит общение субъекта с объектом, общение, конечная цель которого — слияние обоих. Полевой как бы задается целью воскрешения минувшего, оживления писателя, свершившего свой земной путь, очертившего жизненный круг. Восприятие книг умерших русских писателей именно как общение душ — лейтмотив всей русской поэзии начала XIX века — периода становления русской национальной литературы (см. у А. С. Пушкина в послании «Чаадаеву»: «...знакомых мертвецов живые разговоры...»).

Романтический метод изучения писателя требует его исследования как бы «изнутри»: чтобы понять другого, надо «стать им», слиться с ним. Таково условие истинного постижения таланта. Погружение в объект осуществляет-

ся с целью дальнейшего суда над ним. Романтический метод неизбежно становится методом автобиографическим, ибо критик улавливал в своем объекте, прежде всего то, что было близко ему самому. В связи с этим особое значение приобретает проблема «я» критика и форм проявления этого «я» в конкретной работе.

Так, в статье Н. Полевого личность Державина рассматривается в свете романтического конфликта (личность и мир, личность сама с собой). Отношений критика к изучаемому поэту меняется на протяжении всей статьи: аналитическая расчлененность сочетается с лирическим одушевлением. Подобное двухголосие - итог романтического историзма, выражающегося в оценке писателя одновременно с нескольких позиций. Взгляд с позиций современника Державина - человека XVIII века - определяет ту ипостась критика, которая напоминает всезнающего автора прозы XVIII века, ведущего спокойное, неторопливое повествование о становлении поэта. Увлечение подробностями жизни великого гения свидетельствует об установке на достоверность, критик демонстрирует иллюзию мышления человека XVIII века, и в духе этого века судит о Державине.

Но есть в статье и другая позиция, означающая, что полного слияния объекта с субъектом не происходит. Эта позиция принадлежит критику - ипостаси человека уже XIX века. Критик в этой ипостаси как бы сверяет земную жизнь гения теми возможностями, которыми природа наделила поэта. У этой ипостаси есть статус высшего Судии, Бога.

Композиционно критико-биографический очерк (essays) имеет три части, три круга постижения Державина как человека и как поэта. Читатель вместе с критиком проходит эти три круга, приближаясь к тайне Державина.

Первый круг - биография Державина. Здесь двухголосие лишь намечается. Ведя рассказ о внешней стороне жизни Державина, Полевой сопровождает этот рассказ лирическим комментарием, в котором ощущается горестный вздох об ошибочности пути поэта, ставшего государственным деятелем. Любимая идея романтиков о неугаданности своего пути гением, и, следовательно, о нереализации своего таланта - приобретает у Полевого характер трагической участи человека, поглощенного суетными заботами, возникает мотив трагедии творческой личности, не сознающей своей трагедии. «Двойное бытие» Державина для Полевого сосуществование прозы и поэзии, прозы (чиновничество), в которой не участвует душа, и поэзии, в которой она раскрывается во всей полноте. Курсив - графический сигнал расхождения субъекта с объектом, намек на несовпадение.

Второй круг - это попытка определить Державина как поэта. Гений, возвышающийся над миром, владеющий этим миром в состоянии творческого экстаза - такова концепция творческой личности у романтиков. Поэтическая биография Державина - полная противоположность реальной у Полевого. Утверждая параллелизм реального и идеального миров, их сосуществование как прозы и поэзии, их вечное несовпадение, Полевой творит миф о поэте. Поэзия для него не есть выражение эмпирического бытия, но общечеловеческого, возведенного к поэтическому. Таким образом, второй круг - это

как бы «переписывание» заново биографии Державина, чистовик его судьбы. Спокойное повествование, основанное на фактах, документах, цитатах самого Державина, уступает место лирической новелле о рождении настоящего поэта, о гении, вступившем в борьбу с миром. Бытие поэта предстает как разгадка тайны мира.

Возвращаясь к первому кругу, его идеям. Полевой напоминает об ошибочной идее жизни, владевшей Державиным. Но в поступках самого Державина он видит «поэзию», ибо именно поступки свидетельствуют о самобытности и свободе — качествах, характеризующих природу поэта. Вскользь брошенная мысль об особом пути (эта формула принадлежит самому Державину), «обыгрывается» Полевым. Особый путь он видит, в отличие от Державина, для которого именно в «Фелице» открылась возможность преподнести урок царям в поэтической форме, в повороте к истинному творчеству. Именно в «Фелице» — зерно мифа о поэте, который развернут у Полевого в индивидуальности человеческой судьбы.

Третий круг — постижение Державина собственно в его поэтическом творчестве. Взяв за основу хронологический принцип изучения творчества Державина, Полевой предполагает получить «поэтическую летопись внутренней жизни» поэта. Последняя часть статьи — голос самого Державина, его «литературные признания» («Размышление об оде, или лирической поэзии»). Такое расположение материала отражает логику критика: завершив статью исповедью самого Державина (именно так он воспринимает теоретическую работу поэта), он как бы фиксирует встречу Державина с самим собой. Критик создает свой сюжет жизни Державина, творит заново чужую судьбу в соответствии с романтическим принципом житнетворчества. Голос Державина, звучащий в финале, — знак доверия критика к своему объекту, который, наконец, достиг согласия с самим собой, угадав свое предназначение.

Опубликовано: Новое содержание и технологии обучения русскому языку и литературе в школе и вузе. Материалы II зональной межвузовской научно-практической конференции апрель 1995 г. Барнаул, 1995. С. 91-94.